

Книги Марика Лернера
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА
ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ
ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ**

**ЮНОСТЬ ВОИНА
ЗЕМЛЯ ВОИНА
БУДУЩЕЕ ВОИНА
ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ
ОБМАНУТЬ СМЕРТЬ**

СТРАНА БЕЛОВОДЬЕ

ВСАДНИК НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАРИК ЛЕРНЕР

ВСАДНИК НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1140

Художник
М. Поповский

Лернер М.

Л49 Всадник на чужой земле: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 311 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2798-7

Изучая человеческий мозг, ученый наткнулся на странный эффект: оказывается, миров много и можно в них даже попасть. Одна проблема: вернуться и нечто ценное принести невозможно. Проконтролировать, в кого переместится душа исследователя, тоже. Коммерческой или иной ценности такая технология не представляет. Но выяснилось, что и на отправку без надежды на возвращение можно найти желающих. Взять, к примеру, парализованного, готового нормально пожить пусть и в ином мире.

Полет в неизвестность закончился в древней Индии. Но чем дальше, тем больше возникает сомнений, нормальный ли вокруг мир. Да это и не важно. Приходится выживать в малоприятной обстановке трущоб, где все норовят тебя и твои идеи использовать. Да и в рот с восхищением никто не смотрит. И все же лучше энергично крутиться, используя отрывочные знания будущего, чем тихо угасать на больничной койке.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2798-7

ПРОЛОГ

Грузовик затормозил на площадке перед несколькими практически не отличающимися друг от друга бараками. Торчащий на пороге одного из них солдат равнодушно глянул на машину, кинул окурок в бочонок с песком (ну хоть это в армии остается неизменным в любой точке), стоящий тут же, и ушел внутрь. До прибывших явно никому не было дела, никто даже не высунулся.

— Слезай! — крикнул водила нетерпеливо.

— И куда идти? — С огромным тяжелым рюкзаком и винтовкой в руках стоять было крайне неудобно.

Шофер ткнул в сторону одного из строений и сразу тронулся, не теряя времени на дальнейшие объяснения.

Поколебавшись — на штабное помещение здание было меньше всего похоже, даже таблички не имелось, — он вошел внутрь, открыв дверь за ручку локтем. До учебки он год отпахал на побережье в обычных мотострелках и хорошо усвоил: именно на таких обыденных вещах и попадают, — потому не стал пинать ногой. Что разрешено старослужащему, новенькому не рекомендуется. Обязательно обнаружится сержант, требующий ликвидировать только ему видные следы подошвы, а заодно с удовольствием навешает наряд и погонит скрести всю казарму.

Это она и оказалась. Узкий коридор, первая же дверь вела в спальню с койками в два этажа и шкафчиками. Людей не было. Привычного порядка, когда все по линейке, тоже не имелось. Вещи валялись как попало. Дневальный тоже отсутствовал. Тумбочка в коридоре стояла, а сам дежурный испарился.

В следующей комнате обстановка оказалась ничуть не лучше, на койках лежали люди. Если в наряд, почему одетые?

А трое в углу вообще, похоже, выпившие. Бутылку даже не прятали. Ситуация нравилась ему все меньше и меньше.

— Новенький? — сказал один из них, поднимая голову.

— Сюда иди, — потребовал второй.

Эти хоть в форме и с сержантскими лычками и годовыми нашивками. Контрактники. Второй срок тянут, и осталась до окончания службы самая малость. Третий был голым по пояс, здоровым, как медведь, и молча смотрел тяжелым взглядом, под которым было крайне неуютно.

— Рядовой Крушанин! — доложил. — Прибыл для прохождения службы в Седьмой отряд специального назначения после окончания курса снайпера в учебном полку горной бригады спецназа.

Парни молчали, изучая новенького. Они видели ефрейтора срочной службы. Рост метр семьдесят, вес шестьдесят пять килограммов, волосы черные, прямые, глаза карие, брови густые, широкие. Жира нет, сумасшедшей мускулатуры и габаритов не имеется. Зато жилистый и наверняка выносливый. Попасть сюда — мало быть добровольцем. Любой проходил через инструкторский пресс и тяжелейшие нагрузки. Как ни удивительно, громадные парни ломались ничуть не хуже слабаков.

Они не могли знать про него наверное, однако нетрудно было догадаться — сами из таких. Родился и вырос в поселке после Заражения. Любой житель зарегистрирован, и Управление ресурсами направит его на производство согласно своим критериям. Даже если у него есть некие мечтания, никого они не интересуют. При наличии высокопоставленных родителей еще можно получить неплохое образование и рассчитывать на хорошее место или попасть в чиновники. Остальным заготовлено место на конвейере или в поле. Иногда, в плохие годы, и там и там. Убирать урожай не хватало рук, и гнали горожан. Для многих это был праздник: все же не такая жесткая дисциплина, и можно, помимо пайки, неплохо угоститься теми же овощами с полей. А деревенские, несмотря на возможность угодить в штрафники, повсеместно гнали самогон. Армия не самый плохой вариант для многих. Та же дисциплина, но шансов подняться много больше. Столкновения с соседями и уродами регулярные. Всегда есть возможность отличиться и занять место повыше. А в идеале — отслужив уже по договору,

выйти в офицеры. Практически каждый начальник на «гражданке» когда-то прошел через это.

Вопреки ожиданию, после длинной паузы заговорил голый:

— Я не знаю, чего тебе наплели в учебке, но туда попадают добровольцы. А сюда направляют лучших. Поэтому вкратце излагаю суть: сам напросился — теперь хлебнешь полную миску «счастья».

Судя по ухмылкам остальных, они ему и обеспечат.

— Будешь правильно себя вести — и относиться станут нормально. Нет — просись вниз. Иначе... — Он развел руками.

— Вон та койка твоя будет, — сообщил один из сержантов. — На ней Колян спал.

— На дембель ушел?

— На тот свет! — рыкнул человек-медведь. — Мы здесь не балуемся. Тут граница! Будешь хлопать ушами — и ты в гробу домой поедешь!

В помещение влетел растрепанный молодой лейтенант с заspanным лицом. На щеке отпечатался след от шва на подушке.

— Взвод, подъем! — заорал диким голосом. С коек посыпались люди. Хватали обувь, торопливо одеваясь. — Из штаба бригады звонили, — сообщил всем сразу. — Беспилотник засек группу. Опять идут. Надо перекрыть... — Тут он выдал совершенно непроизносимое название. Кто-то из солдат застоял показательно.

В голове была полная мешанина. Никак не ожидал такого сразу. Возникло и предвкушение настоящего боя, и страх перед испытаниями. Выдержит он или нет? И судорожные попытки вспомнить, чему учили, чтобы не оплошать. Воображение услужливо подсовывало картинки будущей неудачи и презрительно отворачивающихся старослужащих. Хуже только страх погибнуть или получить тяжелое ранение.

— Мы же только вернулись! — возмутились сразу в два голоса.

— Надо, парни. Больше некому, сами знаете. Новенький? — спросил лейтенант. Не дослушав доклада, поморщился, наверняка пропустив мимо ушей фамилию. — Карпенко, отвечаешь за него.

— Ну смотри у меня, — с отчетливой угрозой заявил голый.

Вместе с офицером их было двадцать два. Все прекрасно уместились в вертолет. Но на том удобства закончились. Неизвестно почему их высадили на немалом расстоянии до нужной точки. Наверное, не было возможности в тумане четко выйти на цель, а может, не хотели выдавать себя раньше времени. Вертушка транспортная, и, кроме обычного пулемета на турели, поддержки от нее все равно не будет. Зато инфильтранты могут уйти на другой маршрут или затаиться, услышав характерный звук. Да и сбить вполне способны — до них доводили на инструктаже.

А пока он пер в гору, неся на плечах килограммов пятьдесят. Конечно, их тренировали, но все же не такие дистанции. Больше всего он боялся споткнуться и упасть. Встать просто не сумел бы. Через три часа ему казалось, что больше нет сил. Прошло еще пять минут, и еще десять, и пять раз по десять, а он все брел и брел. Главное было — поставить себе задачу. Вон до того кустика, а теперь до этого камня. А за той скалой будет легче. И он все шел и шел на автопилоте, пока не раздалась команда.

— Это что, — сказал Карпенко, оказавшийся старшиной по званию, закуривая, — зимой вообще хана.

Он подумал и внял: это не изощренное издевательство, так оно и есть. Зимой больше вещей, да и снег мокрый липнет к ногам. А прилечь на привале — задубеешь. Пока топаешь, вспотеешь, и на морозе часами сидеть. Недолго обморозиться. Про отчекрыженные ноги их регулярно пугали в учебке, и вряд ли попусту.

— Не ешь, — приказал Карпенко, когда извлек стандартный блистер.

Спрашивать почему и возражать не тянуло. Наверное, есть смысл. Перед выходом Карпенко, напротив, проследил, чтобы он проглотил таблетку. Всем известно: при тяжелых физических нагрузках срок приема сдвигается на более ранний. У каждого график индивидуальный, и нормальные люди прекрасно чувствуют, когда требуется. На финишном отрезке чувства обостряются, и в бою может оказаться полезным.

Слава богу, окопа копать не заставили. Как это сделать в скальном грунте, он не представлял, но в армии еще и не то могут приказать. Ограничились выкладыванием стенки из камней. Уже под конец, когда мысленно радовался возмож-

ности просто посидеть и отдохнуть, наблюдающий в бинокль лейтенант с удовлетворением сказал:

— Идут. Без команды не стрелять!

Он торопливо отполз к своей позиции и осторожно высунулся. Внизу двигалась цепочка уродов. Первый, второй, семнадцатый... Мелкая банда. Он ожидал худшего. Как объясняли, в горах основное правило — занять господствующую над местностью вершину. Кто успел — победил. Сейчас смысл идеи дошел до самых печенок. Приди эти раньше — расстреляли бы на подходе. В душе поднялось злорадство, смешанное с азартом. Быстро билось сердце, гоня кровь, и, невзирая на возбужденное состояние, голова трезво и четко просчитывала действия. Все-таки вбивали в него навыки на совесть, а не для галочки в отчете, доводя действия до автоматизма. Вон тот, похоже, распоряжается. Первая цель снайпера — командир.

— Начали, — как-то буднично сказал лейтенант, и тут же знакомо заработали оба пулемета, поддержанные автоматными очередями.

Крушанин свалил командира, почти сразу еще одного, маленького, чуть сзади, торжествуя. Теперь счет открыт, и он не новичок! Потом еще дважды выстрелил, уже по лежащим, пытающимся уползти под прикрытие.

— Прекратить огонь! — крикнул голос рядом.

— Вставай!

В ушах звенело, остро воняло горелым порохом. С трудом разжал пальцы, судорожно вцепившиеся в винтовку, и обернулся на Карпенко. Тот уже поднялся и будто протирал лицо.

— Идем, — сказал, зашагав вниз по склону. — Посмотришь вблизи. — И как-то странно криво усмехнулся.

Он двинулся следом, недоумевая. Им всегда говорили об опасности приближения к уродам. Возможно заражение инфекционными заболеваниями. Трупы руками не трогать, «кошкой» на тросе оттащить в сторону и сжечь. Для этого есть бак с горючей смесью и огнемет. Немалый дополнительный вес, но оставлять тела просто так — запрещено.

Метров с десяти Карпенко выстрелил в первого убитого, затем во второго. Можно было не утруждаться: оба явные покойники. Один весь в дырках, у второго половины черепа нет. Оба были какими-то грязными и оборванными, но с виду совсем не задохлики, хотя худые. Может, от недоедания. Оружие ухоженное, видно и на расстоянии. Нового не имелось,

все — старье из прежних времен. От этого не менее замечательно способно убивать.

По соседству загремели выстрелы. Еще кто-то участвует в добивании: по инструкции положено. Вот уж не думал, что на дальней заставе к ним относятся с таким прилежанием.

— Карп! — крикнули сбоку. — Есть один. Давай молодого сюда!

— Идем, — скомандовал старшина.

Этот был еще жив, пытался отползти, но сейчас вокруг стоял практически весь взвод, включая лейтенанта. Урод тоскливо шарился по лицам глазами, крутя головой. Вблизи Крушанин с изумлением понял, что это женщина. И очень может быть, та самая, которую он подстрелил, судя по росту лежащего рядом командира. Темное пятно крови на куртке возле плеча — его промах. Целил в грудь.

— Посмотри на это, салага, — произнес Карпенко, кладя тяжелую лапищу на плечо. Сказано было именно в среднем роде, хотя не видеть пола пленной невозможно. — С виду они люди. Голова, две руки, две ноги. Даже дырка у нее на месте. Пользуются инструментами, разговаривают. Причем по-русски. Только они уроды. И знаешь почему?

— Изменения на генетическом уровне в результате инфекционного заражения, — отбарабанил он тысячекратно слышанное в школе и позже. — Вызывает агрессивное изменение психики. Они стремятся уничтожить последние очаги цивилизации.

Среди солдат кто-то гоготнул.

— Они просто хотят выжить, прорываясь с юга, — пробурчал лейтенант. — Там элементарно жрать нечего, а мы еще регулярно бомбим сверху, чтобы не укоренялись.

— Но зачем тогда? — Он не понимал.

— Потому что они уроды. Мы элементарно не способны находиться рядом, сейчас поймешь. Подойди к этому!

Он еще раз посмотрел в лицо Карпенко, потом лейтенанта. Скользнул взглядом по остальным. Глаза горят, но нет злобы или издевки, видится нечто иное. Уж точно не шутка глупая. Что-то цепляло мозг, но никак не приходила разгадка. Это проверка, тут сомнений нет. Но в чем? Отказываться глупо, да и неуместно. Тут торчат все, включая офицера.

Мысленно плюнул, отменяя сомнения, и шагнул вперед.

Она дернулась и попыталась отползти, бессмысленно шепча: «Не надо». Один из солдат пнул женщину ногой, не позволяя двигаться. Еще шаг. В нос ударил одуряющий запах. Он и раньше присутствовал на периферии сознания, возбуждая и добавляя адреналин, однако на расстоянии так не действовал. Еще шаг. Сознание выключилось.

Человек лет пятидесяти сел на койке, с жутко бьющимся сердцем, обрывая провода и присоски. Во рту стоял жуткий вкус крови. Тот, кем был он, набросился на женщину, вцепившись зубами в шею. Никаких мыслей, одни инстинкты. Инициация на практике. Показ новичку того, о чем не говорят, но каждый в курсе с детства — на уровне намеков и страшилок.

В глубине души все знали. После инфекции не просто рухнул мир: изменились выжившие. И отнюдь не уроды. Как раз они остались нормальными людьми. А считающие себя цивилизованными людьми сделались вампирами. О, отнюдь не классическими, с боязнью света и серебра. Им просто не хватало чего-то в организме. Это прекрасно восполнялось теми самыми таблетками, якобы с витаминами. Но ничуть не хуже была настоящая кровь. От животной тоже дурели, но не настолько. Почти все могли держать себя в руках. А вот свежая человеческая, не вампирская, превращала любого в зверя. Нос улавливал некие тонкие запахи, присущие исключительно уродам. Фактически жить рядом они не могли. И противостояние достаточно быстро превратилось в войну на истребление.

— Как вы себя чувствуете? — озабоченно спросил молодой человек в белом халате поверх свитера. Он был отнюдь не врач и спросил для проформы.

Черт! — дошло до вернувшегося из сна с запозданием. Они все вставили в носы вату или какие-то фильтры. А ему не дали принять таблетки, чтобы накрыло полностью. Проглоти до этого — реакция была бы ослабленной. Черт! Он показал на графин с водой. Прополоскал рот, стараясь избавиться от отвратительного вкуса крови, и выплюнул в раковину, продолжая размышлять.

Не удивился бы, если бы пленных резали на кровь, пуская чарку с красной жидкостью по кругу. Сколько в человеке — литра три или больше? Каждому по стаканчику. Ха, то-то по-

ловиной их взвода там были явно не срочники, по второму и третьему кругу пошли по контракту. Рвутся в бой... Не может не знать начальство о таких вещах...

— Впечатляюще, — произнес он, выпив поднесенную теплоносителем жидкость. Тот так и торчал рядом все время. А кстати, сколько прошло? — посмотрел на часы. Ого!

— Ага, почувствовали! Полный контакт, — с гордостью воскликнул белохалатник, чувствуя облегчение. Не всегда выходило, и уверенно нечто заранее знать абсолютно невозможно. А важно было убедить, используя невероятную удачу. Продолжать дальше нет никакой возможности. Он и так еле спас аппаратуру. Скоро не просто попросят вернуть долги, а примутся выбивать. — Тактильный, обонятельный, ощущения, чувства...

— Ты мне обещал нечто иное, — оборвал его олигарх раздраженно.

И по возрасту и по положению он был заметно выше, да и не привык обращаться к кому-то на «вы». Тем более к просящим финансирования.

— Требуется не сидеть где-то в черепе бесплотно, без возможности влиять на происходящее, а жить полнокровной жизнью! Я, конечно, оценил эффект, но совершенно не представляю, кому и зачем такая вещь потребуется. Игроманам точно не подойдет. Они хотят участвовать, а не присутствовать. К тому же не заливай про виртуальные миры. Я в ваших электронных гаджетах не разбираюсь, но не настолько идиот.

Он умел давить при необходимости, и сейчас в нем бурлила неумная жизненная сила. Кажется, удастся сорвать главный приз.

— Да, — после непродолжительного молчания признался изобретатель. — Это реальный мир. Все происходит в онлайн-режиме.

— В реальном времени?

— Да.

— Как такое возможно?

— Ну, можно сказать, я доказал существование иных миров. Теорию, боюсь, слишком сложно объяснить.

— Приглашение от Нобелевского комитета для получения премии уже поступило?

Ученый криво усмехнулся:

— У них не существует такой номинации, но в принципе... Почему бы и нет. За открытие такого уровня можно и создать!

— Ты всерьез решил меня обмануть? — ласково спросил олигарх.

Он был упрямым, самоуверенным, импульсивным и зачастую бесцеремонным. При этом у него было особое чутье на деньги. Умел быть осторожным и расчетливым и не боялся рисковать. Покупал, когда цены падали предельно низко, продавал, когда приобретение вновь дорожало, не дожидаясь, пока мыльный пузырь лопнет и рынок опять придет в упадок. Ему всегда удавалось уловить эти переломные моменты взлетов и падений.

— Полагаю, с теорией как раз швах. Никаких миров ты не искал, а занимался мозгом. Ничего в этом нет ужасного, даже пенициллин открыли случайно, но мои деньги нужны именно для завершения трудов. Пусть так. Хотелось бы уточнить кое-что, прежде чем раскидываться капиталами.

— Да? Не станете выбивать силой?

— За кого ты меня держишь? Я тебе урка паршивый? Никогда не иду против закона, если его можно соблюсти к общему удовлетворению.

Выдержал паузу для ответной реплики «вроде отжима никелевого комбината» и не дождался. Все же не наглеет.

— Если дело дойдет до коммерческого использования, получишь свой процент. Небольшой, но достаточный для приличной жизни и дальнейшей трудовой деятельности. Вот с премиями и известностью придется погодить, пока не научишься пересаживать сознание в тело другого человека с полным контролем. Требуется управление и свободный выбор объекта. Необходима зрелищность и экшн, а не старый дедушка с ревматизмом и инсультом, выпавший по лотерее в качестве реципиента. Иначе это никому не продать.

— Вы не понимаете, — с тоской сказал ученый, — посадка вовсе не случайна. Именно в этом и проблема. Фактически идет автономный поиск. Конечный результат предсказать невозможно. Нельзя выбрать мир, потому что аппарат ищет не его, а совпадающие мозговые характеристики. Если хотите, записываю душу и ищу аналог. Человек в теории может оказаться в соседней комнате, но на практике почему-то всегда в ином мире.

— Может, там наши двойники?

— Я думал. Не получается. Полного подобия быть не может. Совпадение — процентов девяносто. Не знаю! Нужны опыты и время.

— То есть много денег.

— Ну... да. Основная проблема в том, что после полного замещения вернуть назад невозможно. До какого-то момента сигнал нормальный, все идет хорошо — и сразу обрыв.

— О, как с тем наркоманом, из-за которого тебя выперли из института.

Вон как перекосило. Еще ведь хорошо отнеслись. Если человек якобы после безобидного опыта превращался в овощ, могли и посадить. Руководство за свою шкуру испугалось: ведь разрешение давали, не представляя, чем конкретно занимаются в лаборатории. Справки навести стоило, чтобы иметь хороший козырь. Не стоит лепить из инвестора дурачка.

— Господин гений, — сказал после паузы олигарх, в бешеном темпе обдумав новую информацию. — Представьте себе, что человек на том конце, пусть в другом мире, имеет свои мозги. И при полном наложении некие параметры сдвигаются. Каков выйдет итог? Подозреваю, донор изменяется, а здесь то самое тело без души. Живое, но без разума. Хм... а вы доказали существование Бога и души, знаете ли.

— Значит, все бесполезно, — хватаясь за голову, пробормотал ученый. — Получить контроль над телом и вернуться — нельзя.

— Ну не вполне. Ваши опыты я профинансирую. Может быть, некий полезный результат все же получим.

— Да? — оживая, спросил изобретатель.

— Дело в том, — устало проведя рукой по лицу, сказал олигарх, — что тебя не зря привели. Правда, как выяснилось, не вполне то, что нужно, однако тоже... Ты слышал о моем сыне? — спросил резко.

— Нет, — настороженно ответил ученый. — Честное слово, нет...

— В прошлом году, — помолчав произнес олигарх, — пьяный водитель выскочил на тротуар и сбил двух человек. Девушку насмерть, а парня парализовало. При всех моих деньгах и десятке операций ничем нельзя помочь. Он был высокий, сильный, спортивный, уверенный в себе, умный мальчишка. Без моей помощи учился на «отлично» и почти закончил МГУ. Симпатыга и не нуждался пускать пыль в глаза девчон-

кам папиными деньгами: и так на шею вешались. Он всегда был первым и лучшим. А теперь он ниже шеи не может шевелиться. Совсем! — почти сорвался на крик. — Делает под себя и при этом способен думать. И он не хочет жить! Зачем и кому такая жизнь нужна!.. Я надеялся, — помолчав сказал, — дать ему хотя бы иллюзию жизни в этом вашем... виртуальном пространстве. Или параллельном, где бы оно ни находилось... — Он выругался. — Ну что ж... Если нет иной возможности, придется дать другую жизнь. Пусть и без возврата. Не смотри так, — сказал устало. — Это лучше, чем он станет угасать, отказываясь есть, а мне смотреть на это и думать — заставить питаться насильно через трубочку или пустить все на самотек. Это мой сын! — крикнул. — Я дам ему шанс!

Глава 1

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Зверь уловил знакомое сочетание звука с вибрацией «тук-тук» и, поспешно поднявшись, быстро направился в правый поворот. Эхо шагов в каменных переходах разносится достаточно далеко, и надо своевременно выйти на пересечение путей, иначе добыча, столь беззаботно шляющаяся по его владениям, умудрится пройти мимо, прежде чем удастся сблизиться на дистанцию броска. И это будет крайне обидно. Жрать хотелось невероятно.

Тук-тук, тук-тук...

Так ходит лишь двуногий. В малом количестве они не опасны, медлительны и на удивление плохо видят. Потому используют источники свечения и вне их практически беспомощны. Зато мяса много, и оно вкусное. Впрочем, расслабляться не стоит. Иной раз способны больно ужалить, и поэтому брать их требуется на манер крысы — одним ударом.

Тук-тук, тук-тук...

Конечно, такими категориями он не думал. Неизвестно, думал ли вообще, потому что мозг у него отсутствовал. Точнее, нечто имелось, но было размером с орех. Зато охотничьи инстинкты развиты до чрезвычайности, и есть хотелось постоянно. В любое время и в каком угодно количестве. При удаче мог зараз сожрать не меньше половины своего немалого веса и оставался у туши, пока окончательно не съедал, вплоть до костей, не замечая запаха тухлятины.

С нюхом у него были сложности. Он практически отсутствовал, в отличие от замечательного слуха, почти полностью заменившего еще и зрение. В вечно темных подземельях нюх не особо требовался, разве что в качестве определителя, где находится более теплое место. А на охоте был бы полезен.

Тук-тук, тук-тук...

Двуногий тащился медленно, и, стремительно промчавшись по хорошо знакомому лабиринту ходов, зверь добрался до места выхода в атаку. В округе давно не было соперников и опасностей, но он внимательно прислушался, прежде чем протиснуться сквозь узкий лаз на другую сторону тоннеля. Ничего. Пустота. Стараясь не производить шума, чтобы не насторожить добычу, полез в проем. Голова, лапы и туловище. И в этот момент его обожгло страшной болью в задней части, а затем сверху обрушилась тяжесть. Невольно дернулся вперед, не понимая, почему задние ноги не слушаются. Уже вторично ощущая боль в области шеи, попытался повернуться, чтобы придавить напоследок перехитрившего врага. Тело не реагировало, а то, что заменяло сознание, быстро уходило.

Я привалился к стене, тяжело дыша, не забыв поставить аккуратно рядом свое оружие. Конечно, настоящие доблестные вояки наверняка высмеяли бы эту самостоятельно изготовленную из подручных материалов вещь. Короткое, под рост тщательно подобранное древко, с насаженным в качестве острия обоюдоострым ножом. При определенном навыке может выполнять функции боевого посоха, копья, ножа и топора. Можно резать, колоть и рубить. Для охоты в катакомбах и защиты на Дне удобно и неоднократно использовалось. Хотя, безусловно, по улицам удобнее ходить с обычным ножом: не так заметен. Впрочем, у меня огромного набора не имеется. Хорошее железо дорого и так просто не спереть. Ко всему кинжал — признак статуса, по нему любой местный о тебе много скажет, и чужим не воспользуешься — руки выдернут. Пришлось покупать лезвие, а в быту пользуюсь совсем другим, паршивым. Впрочем, прозвищем Хотокон, от «палка плюс нож» на жаргоне, в душе даже горжусь. Случается, награждают гораздо худшими.

Торчать неподвижно на еле заметной полочке, ни одним движением не выдав себя, а затем прямо с затекшими ногами сигануть на спину турпалису, причем умудриться дважды попасть в сочленения, перебив сначала нерв, ведущий к задним ногам, а затем и к голове, сродни подвигу. В первом ударе был уверен, насколько это вообще зависит от меня. Вот второй мог стать перебором и закончиться плохо.

Реально второго удара и не требовалось. Пришлось бы слегка повозиться, добывая, но уползти тот уже не смог бы и

атаковать в полную мощь тоже. Руки четко сделали свое дело без участия сознания, использовав удачный шанс, а могло выйти боком, вопреки задуманному изначально. И я это прекрасно понимал. И так уже на издыхании чуть не достал, тварь. Слетая, приложился я о камень, наверняка синячище будет немалый.

— Счас-то какого скакать? — крикнул я с раздражением на торопливые шаги и мелькающее пятно от факела. — Один базар выходит. Я тебе говорил — сидеть на шухере после начала и ждать оклика!

— А вдруг помочь надо, — с вечным упрямством лучше все знающей возразила Микки. — Ой! — сказала с изумлением, останавливаясь. — Какой огромный. Ты не пострадал? — резко обернувшись, требовательно спросила, поспешно направляясь ко мне. — Снимай куртку.

Вот за это ей многое спускал. Она была упрямой, нахальной, могла поступить по собственному разумению, но никогда не пыталась ставить личные интересы выше. Наш тандем прошел много разных испытаний и оставался прочным. И глаза у нее обеспокоенные вовсе не потому, что боится остаться без защиты. Обо мне заботится.

— Все ладом, — сказал, отстраняя Микки. — Заканчивай бодягу, делом надо заниматься, а не рогами звенеть. Перо давай. — И отобрал сжатый почти детскими пальчиками огромный тесак, украденный два дня назад у мясника. — Где? — спросил я и так известное, позволяя продемонстрировать глубокие знания.

— Железы под языком, — охотно сказала Микки. — Да и он сам вместе с зубами может чего-то стоить. Только важнее яд под хвостовым когтем, а до него добраться будет сложно. Может, сначала выдернем из щели? Только он совсем-совсем мертвый? — Это прозвучало уже определенно с опаской.

— Кто говорил: шейный позвонок перерубить — хана придет?

— Я.

— Нешто можно не доверять книгам? — вскричал я с сарказмом. — Нешто муть несут?

— Ученые тоже иногда ошибаются, — без спроса взяв хотокон и потыкав в брюхо мертвого хищника, признала она.

— Да что ты говоришь! Скока ентот... Карстен Великий лично зырил турпалисов или ламий?

— Кажется, сдох, — игнорируя ехидство, пробормотала она. — Огромный какой, ужас. Я вообще не понимаю, чем такой питался в последнее время при этих размерах. Не так много живности в подземельях, как наверху болтают. Наверняка всех крыс и сородичей передал по округе и поднялся выше. Раньше люди не пропадали.

Собственно, на этом предположении и была построена вся наша стратегия с момента, когда при виде следов зубов на костях Микки уверенно назвала зверя. Я как раз столь убежденным не был. Но почему не попробовать. Приманка достаточно привлекательная, после последних случаев исчезновения спускаться под землю боялись самые безбашенные головорезы. Тварь неминуемо должна была оголодать, и надо было только заставить ее правильно выйти на место засады. Риск тем не менее огромный. Я мог и не справиться. Или это могло бы оказаться совсем иное чудовище, из разряда еще худших.

Тогда на два покойника стало бы больше, хотя вряд ли бы это кто-нибудь заметил.

— Сечешь, эта скотина напоминает крокодила? — произнес я задумчиво, когда общими усилиями, с руганью и азартными воплями Микки, турпалис был выдернут из дыры. Не таким уж и тяжелым оказалось тело. Справились, даже рубать не пришлось, как первоначально вознамерились.

— Может, предок общий, только не приходилось слышать про сухопутных и подземных.

— Святое небо, ты в благородную рядишься про незнание?! — изумляюсь.

— Ой, да ладно. Я же по зверям, а не вообще. Про этих вовсе мало что известно. Яйца откладывают и растут всю жизнь. Еще жрут крыс и, за неимением другой пищи, сородичей. Все.

— Зато где у них яд и за сколько можно толкнуть подходящему барыге из лепил, все слышали, — прокомментировал я, ковыряясь в глотке, предварительно выбив зубы и собрав их в мешочек, но даже теперь в жестких рукавицах. — И не уверен, что исключительно на лекарство эта гадость идет.

— Ты представляешь, сколько мы поймеем, — восторженно вскричала Микки, — если за малую склянку дают два ильмских карша?

То есть триста восемьдесят четыре пая при нормальном дневном заработке в два-три. Мы себя обеспечили надолго. Правда, еще требуется продать.

Денежная система здесь жутко запутанная. То есть привычного деления на сотни и десятки нет. Считают дюжинами, монеты и вовсе по шестнадцать. Очень удобно для деления на два, три, четыре, шесть, восемь. Основная единица серебряный карш, очень приблизительно равный десяти граммам. Нет у меня правильных весов, и потому чисто прикидка. Он состоит из шестнадцати таки (серебро), дальше $16 \times 4 = 64$ фан (бронза) и $16 \times 12 = 192$ паев (медь). Есть еще промежуточные. К примеру, 2, 8 или 12 таки, а также 10 — 24 — 20 паев. Таких разновидностей с десяток. Кроме того, в разных областях изготавливают свои монеты, а у них может отличаться вес. Без привычки запутаться проще простого, и не зря она подчеркнула название. Наш город в некотором роде столица Ойкумены, и даже деньги эталонные. Кстати, в теории, есть еще и золотой аркот, ну конечно же в 16 раз дороже карша. Видеть пока не приходилось. Для Дна монета такого рода — сокровище, а не средство расчета.

— А ты догадываешься, что с нами сделают на улице, если подловят с такими деньжищами или большой склянкой?

Через час, основательно измотанный малоприятными трудами по разделке туши и доставанием из нее полезных и дорогих органов, я отправил извлеченные из тазовой области почки в сосуд с плотно притертой крышкой и с облегчением вздохнул, вытирая трудовой пот. Мясо брать не требуется. Вонючее и жесткое. Не настолько оголодали даже нищие. Хватает и крыс для большинства. Вот у тех мясо после вымачивания не хуже курятины. Зато зубы, лапы с когтями и кое-что по мелочи возьмут легко барыги на амулеты. Особо много не дадут, однако нам на пару месяцев безбедной жизни хватит.

— Утащишь? — спросил скорее для подначки, чем всерьез. Задавится, но не пожалуется на тяжесть. Из одного упрямства донесет.

— А ты не идешь? — очень серьезно спросила Микки.

— Я пробежусь до третьего яруса, — сказал небрежно.

Иногда тянуло похвастаться, как ребенка. Может, от Гунара осталось, как и накатывающая в драке ярость. Подземелья состояли из множества коридоров и небольших комнат на нескольких уровнях. В основном они возникли как побочный результат строительства. Кроме каменоломен тут было множество шахт и подвалов с разветвленными ходами. Добывали когда-то ракушечник для возведения зданий. Были и природ-

ные пустоты с пещерами, иногда немалых размеров. Возможно, их проложила вода миллионы лет назад. Но некоторые ходы и коридоры явно прорубали человеческие руки в незапамятные времена, и по возрасту они наверняка гораздо старше самых древних построек наверху. Несколько тысяч километров по самым приблизительным прикидкам, семь ярусов, где ниже четвертого заходили единицы, и пять отдельных подземных городов, частично связанных между собой. Соответственно никто полных планов подземелий не имел и иметь не мог. А кто такое утверждал — бессовестный враль.

— Отдам остальное Психу.

Обиженный взгляд я в очередной раз проигнорировал. Сводить их — по-прежнему настроение отсутствовало. Неизвестно, во что выльется. Девочек Псих употреблять любил и для этого даже на поверхность поднимался. Вот откуда брал на развлечение монеты, я не имел понятия и не хотел углубляться. На гадании столько не получишь. Не стоит вводить его в искушение. Этот не моргнув глазом прикончит, начини излишне любопытствовать. Главное — не обманет. В некоторых отношениях он был изумительно честен.

— Здесь слишком много крови. Могут прийти крысы. От стаи в одиночку не отобьешься.

Ага, подумал, а с ней будет проще. Нет, визжать не станет, не там воспитывалась, но пользы не особо. Силенок маловато. Надо бы и ей соорудить что-то вроде моего хотоконя. Проблема — что с ним еще обращаться надо уметь. Не зря до сих пор с собой не брал на охоту.

— Стоит ли рисковать теперь, идя с такими ценностями в одиночку?

Вот основная часть, извлеченная из тела турпалиса, могла потянуть на очень солидную сумму, даже по меркам Дна. Точнее, прознай кто-то о добыче — вся округа устроит охоту. Здесь иной раз убивали за хорошую обувь, не то что десяток паев. За аркот каждый первый родную мать продаст и брата зарежет. Этим и хорош Псих. Он свою часть соглашения выполнит, и подляны ждать не стоит. А вот куда денет полученное и сколько поимеет, лучше не задумываться. Раз в десять больше — почти наверняка. Но глупо ныть, когда в любом другом месте и вовсе, кроме ножа в бок, ничего не получишь.

— Бесполезно отговаривать, да?

— Молчи, женщина, — сказал я полушутя. — Твое дело тяжести носить, а мне положено драться и спать в промежутках.

На самом деле на Дне для представителя сильного пола есть где развернуться. Торговля, воровство, грабежи, работа по найму в качестве убийц, вступление в одну из банд. Особам противоположного пола обычно предусмотрено лишь одно занятие, и не стоит пытаться действовать на одном уровне с мужчиной — прибьют, даже не задумываясь.

— Хоп. — Слово страшно неоднозначное, применяют во многих случаях. Согласие, подтверждение, уверение в заключении сделки, просто «ладно». — Двигай. И не забудь проверить.

Дорога была прекрасно знакомой и многократно пройденной. Зачем и почему Псих со мной, неумехой, возился больше года, когда я очнулся в грязной канаве, так до меня и не дошло. Господин Арсеньев очень правильно сказал на инструктаже: для полного внедрения требуется бессознательное состояние. Как оказалось, это отнюдь не сон. Парню крепко дали по башке, и если бы не притворяющийся немощным дедушка, притащивший его тело к себе, вряд ли я пережил бы первые дни. Одно дело присутствовать где-то на задворках сознания в качестве зрителя, когда действует реальная личность, и совсем иное — подменить практически умершего Гунара. Думаю я почти по-прежнему, однако часть воспоминаний — его, и мышечная память тоже. Стоит отвлечься — и руки сами делают привычное ему, но совершенно незнакомое мне. А иногда и реакции выдают. Всегда был выдержанным и спокойным, а тут иной раз натурально бешусь.

Может, мозги у нас и работали на одной волне, однако в реальности все оказалось непросто. Тело не слушалось, в мозгах полная мешанина. Дикий коктейль из собственных воспоминаний и памяти полученного тела. Более или менее устаканилось лишь через пару недель, а в первые дни едва доползал до заменяющей туалет дырки в полу, не говоря уже о добывании пищи. И в результате получился достаточно странный гибрид из двух человек.

Он уже не был прежним не только в физическом смысле, но и ментально. Причина отнюдь не в знании реалий окружающего мира, хотя без этого долго не протянул бы. Как раз Гунар ничем порадовать меня об Ойкумене не способен. Его мировоззрение ограничивалось родной деревней, небольшой

порцией религиозных сведений и очень малыми знаниями сверх тамошних работ и воинских тренировок. Урожайность риса и некой культуры под названием купинбор, подозрительно напоминающей по вкусу и виду картошку, но используемой исключительно для кормежки скота, не особо волновала, зато происхождение из воинского сословия было очень даже полезно, как и умение обращаться с оружием.

Гунару было до попадания в канаву где-то двенадцать-тринадцать лет. Много не много, но определенные навыки он приобрел. Отец воспитывал его соответствующим образом с седьмого года, и уж один на один обычного мужика, имея кинжал в руке, парень уделал бы без особых сложностей и тогда. Крайне полезное умение.

А наверху было нечто вроде древней Индии. Причем без всяких шуток. Достаточно грубо нарисованная карта заверяет: очертания континента чересчур похожи, включая остров на юге, чтобы это оказалось случайностью.

При этом названия и народы ничего общего не имеют со знакомыми мне. Никто здесь не подозревает о Бенгалии или Шиве с прочими Кришнами. Тут явно иная история, хотя некие общие черты, возможно присущие человечеству вообще, заметны. Существовали четыре главных сословия — жрецов, воинов, еще обобщенно называемых хозяевами: землевладельцев, торговцев, скотоводов, ремесленников, — и низших: слуг, безземельных крестьян, разнорабочих. Были еще и стоящие вне сословий сэммин — подлые люди. К ним относились нищие, воры, бродяги, странствующие артисты, бывшие и нынешние рабы и другие схожие категории, экономически и социально деградировавшие представители других сословий.

Но, в отличие от прежнего мира, закосневшей кастовой системы не существовало. Ничего похожего на отращивание к работникам кладбища или забойщикам скота, превратившимся в неприкасаемых. Там действовало правило принадлежности к определенной группе исключительно по праву рождения, личные качества игнорировались. Переход человека из одной касты в другую был или невозможен вообще, или крайне затруднен. Здесь — иначе. Сословия были не закрытыми. Можно было подняться выше, и это никого не удивляло. Поэтому, хотя мы с Микки и были незарегистрированными сэммин, никто не стал бы возмущаться, заведи мы завтра собственную лавку. Просто везде есть свои тонкости вроде цехо-

вых правил, необходимости записаться в соответствующие документы: и за все так или иначе надо платить. Да и не хотелось оставаться навечно на Дне, ремесленничая. Не те у нас с Гунаром характер и воспитание.

На очередном повороте остановился, внимательно прислушиваясь и осматриваясь. Стукнул по торчащей из стены железке. Подождал и выбил определенную дробь. Обычно к себе Псих не допускал и лежки посторонним не показывал. С виду он напоминал чучело помирающего старикашки, во все таковым не являясь. Вечно торчащие седые патлы и закрывающая половину лица борода аккуратно подстригались, а одежда только издали напоминала лохмотья. Как бы то ни было, я сомнительному старику был искренне благодарен и готов помочь по первой просьбе. Правда, подозревал, что тот и сам способен на многое и в чужих услугах не нуждается. Скорее, использует по непонятным соображениям. Но это и не так важно. Я, Гунар, живу в трущобах и хожу по лезвию, однако честь у меня никто отнять не может, и поступать я собирался в дальнейшем согласно кодексу правил.

Неизвестно, чем служила эта штука раньше, но судя по прежнему опыту, на звук скоро явится хозяин или позволит следовать дальше определенным ответным сигналом. А переться напрямую, даже будучи в курсе дальнейшего пути, крайне не рекомендуется. Чужаки рисковали закончить путь в ловушке. И не всегда ловушки напоминали капкан для мух. Чаще превращали прохожего в кусок фарша. Псих в таких случаях радостно кудахтал и прикармливал дармовым мясом личную стаю крыс. Как это в принципе возможно, чтобы звери подчинялись и работали охраной при налетах на склады, никто объяснить не мог. Считалось выдумкой. А я видел пару раз своими глазами. Точнее, работал у Психа за грузчика и набирался опыта жизни в качестве стоящего вне закона.

— Решил навестить? — внезапно появился Псих за спиной.

Сколько ни высматривал и ни вслушивался, а в очередной раз проморгал. Двигался древний дедушка абсолютно бесшумно и не соответствовал при этом ни своим силам, ни вечному поведению с кряхтением и жалобами на здоровье. Что это притворство, я усвоил достаточно быстро при знакомстве. Но так и не разобрался, сколько приходится на реальное са-

мочувствие, а в каком размере благодаря колдовским умениям. Психу никогда не надоедало изображать немощного.

— Принес обещанное, — положил я перед ним тяжелые сумки.

Он очень не любил жаргона и требовал к нему обращаться правильно. Это было сложно. Не деревенскому парнишке, привыкшему объясняться на пиджин, переходить на литературную речь. Впрочем, жаргон не ломаный, а упрощенный язык, выработанный поколениями. Со временем он превратился в достаточно развитый, употребляемый в документах и управах чиновниками. В Ойкумене говорили на пятнадцати, и в ходу пара сотен диалектов, так что без общего языка никак. Это известно мне. Наверняка их гораздо больше. Почти всех представителей народов легко встретить наверху если не в качестве местных жителей, то в лице торговцев, моряков и покупателей. Ничего удивительного, что появился так называемый жаргон, более или менее понятный любому. А два с лишним года тесного общения и еще почти год общения периодического дали определенные навыки. Приходилось соответствовать, а то Псих мог показательно и уйти, не закончив дела.

— Хм, печень турпалиса.

Откусил здоровый шмат и тщательно прожевал.

— Ты такие замечательные подарки хорошим знакомым постарайся в дальнейшем не делать, — сказал Псих, вгрызаясь в сырое мясо вторично. Зубы, кстати, у него прекрасные и белоснежные. Не каждый молодой человек имеет счастье такими похвастаться. — Любой отведавший непременно вскорости помрет.

— Ик, — сказал я в ошеломлении, наблюдая, как очередной кусок исчезает в пасти после откровения. Даже всезнающая Микки ничего такого не сообщила. Кроме всего прочего, он беззастенчиво поглощал редчайшего товара на пару серебряных монет минимум.

— Все на свете: растения, животные, грибы и даже насекомые, — вещал Псих, размахивая недоеденной печенью, отчего капли крови падали на пол, — связаны между собой переносом энергии, возникающим при поедании друг друга...

Я понял, что лектор сызнава впал во вторую фазу сумасшествия. В первой он был абсолютно нормален, деловит и практичен. В следующей начинал разглагольствовать о высо-

ких материях, и половина сказанного становилась недоступной. В основном по невежеству: у Гунара в словарном запасе отсутствовали многие термины. Даже прежние мои знания не всегда помогали допереть до смысла. При желании можно было задать вопрос и получить четкий ответ в ясных выражениях. Правда, после этого нить рассуждений Психом частенько терялась, и лекция уходила в совсем ином направлении. Поэтому я в основном старался его не прерывать и пытаться дойти своим умом до лакун в очередной лекции.

Третья фаза была хуже всех. Псих бормотал нечто невразумительное и мог не признать тебя вообще, а заподозрив в некоем злоумышлении, даже достать оружие. Причем владел им много лучше и однажды вовсе извлек из воздуха, всерьез напугав. Или шарахнуть молнией. Если Гунар вообще ничего не понял бы, то я уловил запах озона, как после грозы. А аккумуляторы отсутствовали полностью. Чистая магия в виде электричества. Очень не хотелось проверять на личном примере — сожжет или, на манер шокера, ударит. К счастью, такое происходило не часто, и, научившись узнавать приступ на ранней стадии, я старался срочно смыться. Собственно, по данной причине и не прижился в достаточно удобной обстановке. Лучше уж сам по себе, чем поджариться вдруг без всякой причины.

— Круговорот энергии в природе бесконечен. И все же часть теряется, рассеиваясь в виде тепла. Естественно, хищники, питающиеся мясом, стоят выше всего. Они получают концентрированный запас, тот самый, который растительноядные животные добывают долго и упорно. В наших подземельях растений крайне мало, помимо мха и водорослей в воде. Животным не хватает. Турпалис — существо изначально магическое, созданное для ловли крыс и иных вредителей. Накапливает огромную концентрацию полезных веществ в печени на случай голодовки. И барыш для него превращается в яд для остальных, не умеющих переработать энергию.

— А ты...

— Я, — отхватывая еще кусок сырой печени, невнятно произнес Псих, жуя, — естественно, стою выше всех в пищевой цепочке. Мало кто из колдунов способен на прямое поглощение энергии и такой концентрации витаминов. — Ступай, мальчик, — махнул он рукой.

Звучало несколько обидно. Даже в этом теле мне уже скоро семнадцать, и достаточно крепко. А если учитывать прежнюю жизнь — гораздо больше. Прежний Гунар обязательно взвился бы в негодовании. Опасные порывы я все же научился гасить и промолчал на провокацию, привыкнув за время общения к подобному обращению. Даже в приличном состоянии Псих держал меня за ребенка. Наверное, в чем-то он прав. И по знаниям, и по возрасту. Глупо обижаться.

— Тебе все равно дорога предстоит дальняя, и нечего зря задерживаться. Сам в будущем не пробуй, но будет что любопытное — заходи. Ну, чего смотришь? — потребовал он нетерпеливо. — Через дюжину дней появишься — получишь положенное.

Глава 2 БАНДЫ

У знакомого лаза я остановился и внимательно осмотрелся. Ничего неожиданного не увидел и не услышал. В случае опасности ручка должна быть повернута иначе. Выходит, и с той стороны все нормально. Сунул тонкую железку в еле заметную щель, отодвигая внутреннюю задвижку. Толкнул практически сливающийся по цвету с окружающим мхом люк. Подтянулся, ныряя вперед, и сразу ушел в сторону перекатом, уже понимая: влип. Если первый удар ощутил легким ветерком, то второй догнал, швыряя на пол и отключая сознание напрочь.

— Очухался? — доброжелательно спросил красавец-мужчина лет тридцати, восседающий на неизвестно откуда взявшемся в нашем логове стуле.

Подобного рода мебель водилась исключительно у богатых. Остальные сидели на циновках, подворачивая ноги. Без привычки тяжело, но память тела позволяла держаться свободно. Человек разодет не хуже придворного щеголя в расшитые золотом и кружевами одежды. Еще он был практически белым, что встречается не часто.

Индия есть Индия, даже если она не похожа на реальную. Три крупные расовые группы встретились на плодородной земле, чтобы придать населению необыкновенное разнообра-

зие. Из-за высоких гор на западной границе пришли бледнолицые и подчинили себе Ойкумену, уничтожив прежние государства. Если они, конечно, имелись, а не чистые легенды про «золотой век». Во всяком случае, кроме древних сказок о войнах богов и изумительных достижениях предков, ничего письменного с тех пор не сохранилось. Скорее всего, не имелось ни того, ни другого.

Пришельцы стали править захваченной землей. Частично они вытеснили аборигенов, местами сохранив их в качестве подчиненных, данников и рабов. Среди тех попадались самые разные расовые типы — ведь Ойкумена огромна, — но негроидные черты свойственны южанам. То есть чем дальше от севера, тем чаще темная кожа, а на востоке преобладают у тамошних племен узкие глаза и монголоидный вид. При этом расистами захватчики не являлись и охотно принимали в свои ряды доблестных воинов любого происхождения. Потому иногда получались изумительные сочетания. К примеру, Псих явный азиат с узкими глазами, черной кожей — и блондин. Я вообще долго думал, что крашенный. Не седой — это же видно.

Низшие сословия мечтали породниться с высшими, даже если приходилось дорого платить. Человек, рожденный в родовитой семье, если у него смешанное происхождение, приобретает природу отца. Мать сохраняет прежнюю фамилию и сословие, а дети уже записаны по мужской линии. И все же в случае, когда точное происхождение человека не было известно, к нему относились по внешнему виду. Белая кожа, светлые волосы повышали, а заметные признаки наличия иной крови — понижали статус. Это могло серьезно повлиять на карьеру, поэтому частенько люди стремились «обелить» детей, разыскивая выгодную партию. Но самое забавное, что Гунар по местным меркам тоже в верхней лиге, но когда я увидел себя нового впервые, меня аж перекосило. Натуральный кавказец с рынка. С горбатым носом и все такое. Ну ладно, пусть грек какой или итальянец, но уж точно не скандинав вроде этого франта. А ведь прежде был блондин с голубыми глазами... Ничего общего.

— Да, — послушно ответил я, внимательно изучая стоящего за спиной у главаря типа в серой безрукавке и с хорошо заметной татуировкой стервятника на голой груди.

Могучие мускулы и кривой тесак на поясе уже не впечатляли после осознания ситуации. Нас посетил, не иначе, сам Сип, в смысле не птица такая, а пахан лично, с телохранителем. Видеть до сих пор не приходилось, однако описания, слышанные из разных уст, сходились замечательно. Ошибиться невозможно. И это было очень плохо. Никак наши интересы не пересекались, и сроду бы Сип не стал навещать меня собственной персоной без веской причины. Проще послать парней ноги переломать или зарезать в переулке.

Покосился в сторону и обнаружил Микки со связанными руками и с кляпом во рту. Она заплакала под взглядом. Ее ошибка. Предупреждал — осмотришься, прежде чем лезть наверх. Сама влипла и меня подвела. Предупреждение об опасности тоже отсутствовало. Святое небо, в чем причина происходящего? Обычно стервятники парят на немалой высоте, в поисках добычи и следя друг за другом, а мелочь на земле не трогают.

— Давай сюда этого, — сказал Сип, продолжая доброжелательно улыбаться и не повышая голоса.

Через минуту еще один тип, похожий на первого телохранителя на манер близнеца, вплоть до кофейного цвета кожи, и отличающийся только цветом шевелюры с сединой, тяжело прошагал по куче мусора у входа, волоча за собой избитого до неузнаваемости человека. Я скорее догадался, чем понял, кто это.

— Он это! — захрипел тот, когда подняли голову за волосы, посадив напротив. — Хотокон. Он виноват!

Первая половина загадки открылась достаточно просто. Ребята ожидаемо зарвались, попытавшись взять лишнее, хотя я предупреждал. У склада оказалась солидная «крыша», и их нашли.

Боевик посмотрел на начальника, тот небрежно кивнул, и в следующее мгновение пленнику резанули по горлу ножом. Почти минуту все молча смотрели, как под телом расплывалась лужа крови.

— Итак, — сказал фронт, — ты показал этому ублюдку дорогу в мой склад. Он с приятелями пробрался внутрь и убил сторожа. На языке законников твои действия подпадают под графу «соучастие» и должны быть наказаны по всей строгости.

Чего-то ему надо, и достаточно сильно, понял я. Сам за-
явился и разговаривает, а не сразу кивает, чтобы отчекрыжи-
ли башку. Выходит, можно и поторговаться. Драться бес-
смысленно, не в той я категории, чтобы завалить без оружия
двух опытных мордovorотов. По слухам, Сип и сам был очень
не промах, и прямо вызвать на поединок желающих не нахо-
дилось достаточно давно. Последнего порезал на ленточки в
поединке при множестве свидетелей. А урка был непрост,
иначе бы не кинул вызов.

— Возьми в возмещение, — показал я в угол, где лежал
распиленный на части бивень. В приличном квартале за него
дадут неплохие деньги. Резчики охотно берут на амулеты и
для оформления различных изделий.

— Ты предлагаешь то, что и так уже принадлежит мне? —
улыбнулся щеголь одними губами, глаза оставались холодны-
ми. Ну да, посулить сегодняшнюю добычу и вовсе неуместно.
Принесенное Микки он уже прибрал, а остальное у Психа.

— Я верну утраченное, — сказал я, — и мы будем в расче-
те. Готов заплатить убытки, пусть и нанесенные мной без
умысла.

Последнее сказано с намеком и с целью проверить, что
конкретно выбили из влипших воров. Я с ними не ходил,
только дорогу показал. Не хотел, но иногда приходилось идти
на компромиссы. В одиночку отбиться от контролирующей
квартал банды еще ни у кого не получалось. Невозможно веч-
но сидеть под землей, а снаружи меня или Микки рано или
поздно достали бы.

Поскольку Сип не удивился и не переспросил, наверняка
в курсе дела. Только ему без разницы. Свое гнет и не остано-
вится. Смягчающие вину обстоятельства в расчет не принима-
ются.

— А больше у меня все равно нечего предложить, — разво-
дя руками, показательно удивился я и напрягся, готовый к
удару. Самое время приняться физически воспитывать для
размягчения. Хорошо отделать — и любой сговорчивее станет.

— У тебя есть ты, достаточно сообразительный, умеющий
оставаться невидимым и наводить полезные контакты. Вы-
жить на Дне, освоив катакомбы, придя из деревни. И гово-
рить с каждым на своем языке.

Опа... Действительно, в ответ на отсутствие жаргона я по-
пытался подстроиться в тон, и зря. Неприятно засветился.

Ему нужен Псих? Плохо. Очень плохо. Водить вокруг да около долго не удастся, поймут. Сдавать не стану: кто наведет на его убежище — дедуля вычислит быстро. И тогда мне уже не спускаться в подземелья — рано или поздно дорожки пересекутся.

— Говорят, ты неплохо знаешь катакомбы.

Кто говорит, очень хотелось спросить, но сейчас предпочтительней помолчать.

— Выполнишь поручение — и станешь жить на моей территории свободно. В качестве личного тойона.

По-здешнему это вроде помощника. Не бугор, имеющий свой участок, но и не сявка. Нечто среднее. Еще и приближенный к пахану. Ну, до определенной степени. Не советник.

— Устраивает? — Это было определенно сказано с иронией.

Каждый на Дне, услышав столь щедрое предложение, просто обязан воскликнуть «да». Маленькая проблема: я родился в другом мире, и то, что для местных предел мечтаний, навело на неприятные подозрения. С чего вдруг такая щедрость? Обещания — это слова, и неизвестно, будут ли выполнены. Хотя обычно Сип слово держал, это давало надежду. С другой стороны, легкой прогулки не выйдет, раз такие интересные заходы. Как бы не закончилось смертью, и на том свете требовать обещанного не удастся.

— А она? — показал я на Микки.

— Вот честно, не представляю, зачем она тебе сдалась, да же для постели рановато...

И очень хорошо, что не знает. Такие вещи полезно держать в тайне, и до сих пор мы не прокололись всерьез.

— Она моя сестра, — заявил я без раздумья, игнорируя широко раскрытые глаза девочки. Хорошо тряпка во рту и от изумления не вскрикнет. Объяснение не хуже любого.

Сип посмотрел с комичным удивлением, играя поднявшимися бровями. Микки не черная, но примесь южной крови в ней хорошо заметна.

— Сводная, — пожимаю плечами. — Отец имел наложницу.

Здесь такие вещи никого не удивляют, и нет безразличного отношения к незаконнорожденным. Большак в своем праве. Вот прямое насилие в семье (в широком смысле в нее и слуги входят) осуждается. Рабыня в таком случае может получить

даже свободу, а вольная — возмещение немалое. Но это в теории. На практике хозяину не откажешь. Бить не требуется — и так при желании сгноит.

И самое забавное, что я чистую правду поведал. Имелась такая. Мы с настоящей сестрой особо не дружили, все же разные интересы, да и по всем понятиям она ниже меня по положению. Ну а что звали Гили — это мелочь. Практически каждый имеет домашнее имя или кличку.

— Тем более полезно иметь в качестве заложницы, гарантирующей выполнение соглашения. До твоего возвращения поживет в моем доме на правах бедной родственницы. Никто не обидит, но и сидеть просто так не станет. Пищу положено отработать.

Ну это не самый худший вариант.

— У меня ведь нет выбора?

Франт усмехнулся.

— Тогда, если не вернусь, она вольна делать что угодно. Остаться или уйти.

— Вернешься, — легко сказал Сип, — но для уверенности получишь амулет «в дорожку».

Это было вполне справедливо. Вещь достаточно распространенная и удобная. Обычно используется родственниками при уходе на войну или в длительное путешествие и оповещает о гибели. Амулет «умирает» после гибели владельца, сигнализируя парному. Обмануть его, просто выкинув или сломав, нельзя. Тоже пойдет сигнал, правда иной. И согладаясь при таком доверии ни к чему. Полная свобода, да идти некуда. Ну не в деревню же землю пахать. Кому я там сдался, кроме как в батраки. Спасибо, мог и прежде, без нажима.

Но главное — похоже, Псих его не интересуется. Более того, старик, видимо, заранее знал о «предложении» и почти открыто высказался о дальней дороге. Вот скотина, мог предупредить...

Кстати, и шанс не сгинуть имелся: приглашение Психа на будущее прозвучало не зря.

— И что я должен сделать?

— Мне нужен лаз на Лысую гору.

Город наверху делился на несколько районов с достаточно четкими границами. В названном блоке жили даже не чиновники и воины, а их аристократическая верхушка. Правда, уровнем пониже имеющих особняки вокруг Крепости, но то-

же люди непростые. Соваться туда сэмин было не просто глупо — опасно до крайности. Чужаков вне сословия могли зарубить без разговоров.

— Благородный господин изволит шутить?

Сип мысленно ухмыльнулся, внешне сохраняя невозмутимый вид. Кажется, он не ошибся. Если бы парень сразу согласился, можно было сразу отправлять на мясо. Попасть в Новый город достаточно сложно, но в данную часть катакомб сошались исключительно ненормальные. Слишком часто там исчезали люди, и, по слухам, не нужно было даже спускаться на нижние ярусы, чтобы угодить на зуб специально выведенным охранным тварям. Никто добровольно туда не полез бы. А еще парень умный. Четко провел линию, демонстрируя независимость без подобострастия.

Для обращения к каждому существовали определенные формы. «Благородным мужем» называли человека из сословия воинов, а «господином» обращались к незнакомым людям либо при внезапном охлаждении или обострении отношений. Если бы хотел показать уважение — поименовал бы «милостивым господином». А так вроде польстил, подняв выше реального. Наличие серьезной банды за спиной отнюдь не избавляло от официального статуса сэмина, с соответствующим отношением.

— Я очень серьезен, — произнес Сип. — Говорят, ты большой специалист по подземельям.

— Врут, — ответил я сразу. — Таких пучок на базаре. Ну повезло один раз.

Он укоризненно поцокал языком. Идиотская местная привычка. Так и не научился правильно изображать эмоции, хотя Гунар разбирался в чужих.

— Мало кто спускается ниже первого яруса, — «объяснил» Сип известное любому на Дне. — Разве когда от облав прячутся. Все равно ничего полезного не найти. Сокровища давно продали, — усмехнулся он.

Ну это он ошибается. Я два года живу, потихоньку продавая резчикам кости неизвестно как попавших в глубину зверей. Пещера буквально завалена останками огромных медведей, саблезубых кошек, слонов или мастодонтов — уж больно кривые бивни. А на стенах рисунки всех перечисленных и вдобавок страусов, гиен, оленей.

— Хотя, — посмотрел фронт в угол, где лежал бивень, — видимо, все же попадаетея нечто ценное. Или спер? Ну, не суть. Ты не просто ходок — глазопьялка.

То есть любопытный и сующий нос, куда другие не станут. Прямо в цель. Правда, она у меня простенькая — выкарабкаться для начала на поверхность и прилично жить. А там посмотрим. Тёла аристократа не досталось, золотом карманы не набиты. Не знаю, о чем папа думал, но прямо по его нотациям живу: своими трудами надо пробиваться. В любом случае искренне благодарен за сделанное. Лучше жить в подземелье и рисковать шкурой, чем тихо подыхать в мягкой постели. Я получил второй шанс.

— Коридоры идут куда им нужно, — поведал я, стараясь сохранять почтительную интонацию, — милостивый господин. А не мне или вам. Направление на Лысую гору и так известно. Нужно конкретное место?

Кажется, догадываюсь куда. Точнее, зачем.

— Читать умеешь?

— Нет, господин. Это для писцов.

А вот это уже чистое вранье. То есть Гунар реально не умел. А вот я несколько иначе воспитан. Первым делом, очухавшись, попытался разобраться, в каком мире живу. Что может быть удобнее книг с рассказом об истории и прочих географиях? Ага, щас. Никаких книжных томов, как и печатных станков, не существует. Здесь в ходу свитки. Их держат двумя руками: одной рукой его разворачивают, второй — сворачивают. Страшно неудобно. Естественно, текст выполнен вручную, и свиток страшно дорог. У Психа есть штук пять, но он мне даже в руки не давал.

В принципе читал я в свое время пару книг про прогрессоров от нечего делать. Такие они умные, все умеют, и окружающие норовят помочь, глядя в рот. Я как-то не могу похвастаться великими знаниями. Не только по поводу огнестрельного оружия, но и вообще. Школьные уроки почти не сохранились в памяти, а теоремой Пифагора Сипа не прнять. Тем более юридическими знаниями из незаконченного высшего образования. Если и имеются здесь судейские, у них другие законы. То есть они натурально существуют, но где-то далеко, и желательно с ними не сталкиваться. К стоящим вне сословий отношение предвзятое. А пытки не только разрешены, но и входят в методику допроса. Нельзя пытать только бе-

ременных да умалишенных и тяжелобольных. До гуманизма и отвратительных прав человека здесь пока не додумались.

Казалось бы, самое милое дело изобрести печатный станок и стать богатым. Ага, вот так сразу. Представления о производстве бумаги, из чего делается типографская краска, а также о постройке прессы у меня самые смутные, надо кучу времени, материалов и денег на это. А я два последних года старался выжить. И предпочитал бродить в подземельях в основном потому, что элементарно боялся. Контингент на Дне тот еще. Запросто мальчика без семьи и защитников поймают и в рабство продадут, вырезав язык. Все относятся к клану, роду, банде — один я чужой. То есть, конечно, бывают разные случаи, но одиночка всегда добыча. Собственно, потому и Микки подобрал. Пожалел, поняв, что она моего поля ягода, в здешних реалиях ничего не понимает и непременно в ближайшее время плохо кончит. Задним числом выяснилось — не прогадал, но это уже потом.

Выучить алфавит? Легко! Ну это я так думал. «Городское письмо» слоговое. Тридцать шесть букв-фонем, некоторые из них имеют разную длительность и сочетания. Есть еще несколько добавочных буковок, точнее с точками сбоку. Есть сочетания букв, изображаемые самостоятельным символом, которые используются часто и которые тоже нужно знать наряду с согласными, и довольно много. Ну еще в разных ситуациях точка может читаться как «м» или «н», «п» или «б», хотя разница не очень существенна. Это идет от разных диалектов. Исключений тоже полно. Я подозреваю, это слова из другого языка, давно вошедшие в лексикон, поэтому никто не замечает удивительного — что они не соответствуют правилам.

Короче, так я и остался бы неграмотным, не встретить Микки. Положа руку на сердце, и сейчас меня можно назвать разве что полуобразованным. Пишу с жуткими ошибками, причем упрощенно. Такой стиль используется для скорописи или недостаточно грамотными. Нет у меня практики чтения, когда невольно запоминаешь написание слов. Правда, понимаю тексты нормально. И не одни вывески — это как раз без надобности: обычно на них рисунок выразительный. Микки корябает на восковой табличке очередной эпос про героев древности, которые знает наизусть массу, я произношу вслух. То же развлечение.

— Тогда без разницы, все равно не поймешь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Подземелья</i>	16
<i>Глава 2. Банды</i>	27
<i>Глава 3. Чужие счета</i>	38
<i>Глава 4. Награда</i>	50
<i>Глава 5. Хозяйственные заботы</i>	66
<i>Глава 6. Неприятные встречи</i>	79
<i>Глава 7. Сюрпризы</i>	91
<i>Глава 8. Высокие покровители</i>	101
<i>Глава 9. Первые шаги в новом статусе</i>	113
<i>Глава 10. Полезное знакомство</i>	126
<i>Глава 11. Планы на будущее</i>	136
<i>Глава 12. Нападение</i>	149
<i>Глава 13. Награда</i>	160
<i>Глава 14. Начало и завистники</i>	173
<i>Глава 15. Подготовка</i>	184
<i>Глава 16. Деревенские развлечения</i>	194
<i>Глава 17. Приказано выступить</i>	208
<i>Глава 18. Проверка боем</i>	218
<i>Глава 19. Победа</i>	234
<i>Глава 20. Уничтожение конкурентов</i>	248
<i>Глава 21. Интриганы</i>	259
<i>Глава 22. Битва у моста</i>	270
<i>Глава 23. Штурм</i>	283
<i>Глава 24. Высокий арбитраж</i>	296
<i>Эпилог</i>	308